

<https://helda.helsinki.fi>

---

pÿ =>3>O7KG=K5 ?@0:B8:8 2 8=B5@=5B-48A:C@A
pÿ A5B8 Facebook (=0 <0B5@80;5 ?8AL<5==>9 @50
pÿ @CAA:>3>2>@OI8E 65=18= 2 \$8=;O=488)

Viimaranta, Johanna

2020

---

pÿViimaranta , J & Maslova , A 2020 , ' =>3>O7KG=K5 ?@0:B8:8 2 8=B5
pÿA>F80;L=>9 A5B8 Facebook (=0 <0B5@80;5 ?8AL<5==>9 @5G8 @CAA:>
pÿ2 \$8=;O=488) ' , 5AB=8: >2>A818@A:>3> 3>AC40@AB25==>3> C=825
pÿ;8=328AB8:0 8 <56:C;LBC@=0O :><<C=8:0F8O , vol. 18 , no. 4 , pp. 3

<http://hdl.handle.net/10138/323147>

<https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-4-32-44>

---

unspecified

publishedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

Многоязычные практики в интернет-дискурсе социальной сети Facebook (на материале письменной речи русскоговорящих женщин в Финляндии)

Й. Виймаранта, А. А. Маслова

*Хельсинкский университет
Хельсинки, Финляндия*

Аннотация

Мы анализируем около 500 финских словоупотреблений (лексем и словосочетаний) в русской письменной речи, взятой из интернет-дискурса русскоязычной группы в социальной сети Facebook, участницами которой являются русские женщины, живущие в Финляндии. Словоупотребления, которые представляют собой 260 разных лемм, рассматриваются в контексте поста и ответов на него. В ходе исследования рассматриваются особенности взаимодействия финского и русского языка в рамках многоязычных практик, представленных в письменной речи русскоязычных женщин.

Материал анализируется на основании семантических и грамматических признаков. В процессе семантического анализа финские слова условно поделены на имена собственные, термины и реалии, связанные с жизнью в Финляндии. Грамматический анализ начинается с изучения выбора шрифта при написании финских слов, так как они либо сохраняют свое оригинальное написание на латинице, либо транслитерируются на кириллицу. Далее группа финских слов-существительных, написанных на кириллице, рассматривается с точки зрения наличия или отсутствия у них склонения, а также потенциальной возможности подвергнуть финское слово склонению по правилам русского языка. В завершение анализируются финские слова, написанные на латинице, часть которых с высокой долей вероятности представлена в именительном падеже русского языка. Основываясь на результатах проведенного анализа письменного текста русскоговорящих носителей, мы приходим к выводу, что правилам заимствований в русском языке (транслитерации и склонению) подчиняется меньшая часть единиц исследовательского корпуса. Большая же их часть представляет собой продукт переключения кодов, эти слова отражают в себе реалии финской жизни. Данный пример русскоязычной речи предположительно можно назвать местным вариантом языка.

Ключевые слова

русский язык за границей, финский язык, переключение кодов, заимствование, язык интернета

Для цитирования

Виймаранта Й., Маслова А. А. Многоязычные практики в интернет-дискурсе социальной сети Facebook (на материале письменной речи русскоговорящих женщин в Финляндии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 32–44. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-32-44

Multilingual Practices in Internet Discourse on the Social Network “Facebook” (An Analysis of Written Language of Russophone Women Living in Finland)

Johanna Viimaranta, Anastasia Maslova

*University of Helsinki
Helsinki, Finland*

Abstract

Russian speakers make up the biggest group of foreign-language speakers in Finland. Their use of Finnish words in Russian discourse can be interpreted as an example of multilingual practices, such as code-switching. It can also be viewed as an example of how loanwords are assimilated. While speakers of Russian in Finland are part of a worldwide

internet community, they also represent a local community that can have a language form of its own. This article presents an analysis of about 500 cases of Finnish lexical items and word combinations usage in written Russian (260 different lemmas). The material for the research was selected from written internet discourse of a Russophone community on Facebook, a social media platform. Members of this community are Russian women who have been living in Finland for some time. The Finnish words were studied in the context of posts and replies to them. The 475 Finnish words found amounted to 4 % of the total 12,022 words used in the source. The analysis of the material took into account semantic and grammatical features of the items. Semantic features included the categories of proper nouns, terms and other words related to life in Finland. The grammatical analysis began by studying the choice of writing system, i.e. whether the units retained their original spelling which is either in Latin or in Cyrillic. After that, the Finnish words that had been transliterated were studied for the presence or lack of declension as compared to the Russian norm in similar uses. It was suggested that the tendency not to decline Finnish words written both in Cyrillic and Latin in the discourse also affected the syntactic positions in which they were used, making positions that did not require declension overrepresented. The number of examples subjected to the assimilation rules for loanwords in Russian (transliteration and using declension) was small. Therefore, most of the examples represent code-switching, a natural consequence of those living in Finland, and provide evidence for the existence of a local version of Russian.

Keywords

Russian language abroad, Finnish language, code-switching, loanword, internet language

For citation

Viimaranta Johanna, Maslova Anastasia. Multilingual Practices in Internet Discourse on the Social Network "Facebook" (An Analysis of Written Language of Russophone Women Living in Finland). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 32–44. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-32-44

1. Введение

Согласно последним официальным данным Статистического центра Финляндии, на конец 2019 года в стране проживало около 82 000 носителей русского языка¹. Русскоязычные – самая большая по численности группа иноязычных в стране с 5,5 млн населения и с двумя официальными языками (финский и шведский). На сегодняшний день число русскоязычных в стране в 20 раз больше, чем в начале 90-х годов. Быстрый рост русскоязычного населения отчасти объясняется государственной программой поддержки репатриантов, которая действовала в 1990–2011 гг. и облегчала этническим финнам переезд в страну из России. Поток эмигрантов, покинувших Россию в этот период, относят к четвертой волне эмиграции (называемой экономической); нередко это были люди, которые не знали языка страны будущего места жительства [Земская, 2001. С. 117]. В последние годы большая часть русскоговорящих иммигрантов приезжает в Финляндию работать или учиться.

Наш языковой материал, содержащий 475 употреблений финских слов или словосочетаний (токенов), позволяет дать предварительные ответы на следующие вопросы: «Как финские слова употребляются в сетевой русской дискуссии, касающейся жизни в Финляндии?», «По каким семантическим (содержательно-тематическим) группам они распределяются?», «Какова степень адаптации этих слов в языковую систему русскоговорящих?», «Если она глубокая, то можно ли их интерпретировать как заимствования, или же они сохраняют свои финские характеристики и тогда их употребление можно бы считать переключением кодов?»

Согласно нашей гипотезе, данный состав речевого материала может свидетельствовать о начале формирования определенной разновидности русского языка, сопоставимой со Spanglish в США или Franglais в Канаде, поскольку она значительно отличается от языка метрополии вкраплениями слов из финского языка.

¹ Statistics Finland 2019. Official statistics for 2019. URL: www.stat.fi.

2. Теоретическая часть

2.1. Русский язык в социальных медиа

Социальная сеть Facebook, ставшая источником материала для настоящего исследования, показывает, что граница между публичной и частной дискуссией в ней достаточно размыта, поскольку, несмотря на то, что вся деятельность внутри нее происходит под собственным именем пользователя, сама языковая политика (policy) сайта и ее интерпретация конкретными пользователями допускают разные виды публичности. В результате коммуникация в сети Facebook отличается от других видов сетевой коммуникации (например, СМС, WhatsApp), в которых не предполагается, чтобы кто-то иной, кроме участников коммуникации, имел доступ к текстам и записям, и от таких видов интернет-коммуникации, в которых можно участвовать анонимно.

В современном мире интернет-коммуникация протекает на разных языках как одновременно, так и по отдельности (т. е. коммуникация может протекать на любом одном языке или смешивать разные языки), а интернет-общение позволяет поддерживать языки меньшинств и диаспор [Lee, 2017], разделенных национальными границами. Одновременное использование нескольких разных языков в интернет-дискурсе имеет функцию самоидентификации и, с другой стороны, несет в себе творческое игровое начало. Таким образом, в зависимости от конкретных коммуникативных потребностей в сетевой коммуникации одинаково допустимы как разные языки, разные уровни владения языком, так и разные варианты одного и того же языка.

Что касается общения на русском и финском языках, то их алфавиты делают разницу между письменными высказываниями на разных языках даже графически заметной. Так, наш материал показывает, что участницы коммуникации при использовании русского языка в финской языковой среде часто применяют кириллицу. Исследователи отмечают, что причин тому несколько. Известно, например, что для ранней интернет-коммуникации проблему представляли нелатинские клавиатуры, в частности, кириллица. Кроме того, разные, часто авторские варианты транслитерации иногда предпочитают в силу привычки [Paulsen, 2014]. А иногда намеренное смешение латинских и кириллических букв имеет значение для самоидентификации пользователя (ср. [Angermeyer, 2005]).

2.2. Многоязычные практики

Для определения статуса многоязычного носителя используются разные подходы, что отражается далее в терминологии. Согласно европейским правилам, владение языками их носителем следует рассматривать в следующей очередности: первый язык (его еще часто называют родным), затем одновременное овладение двумя родными языками, далее владение вторым языком, который часто приходит из окружающей социально-языковой среды (например, у национальных меньшинств и иммигрантов) и, наконец, изучение языка как иностранного в рамках специально организованного учебного процесса. В результате человек может стать плюрилингвом, а явление в целом можно назвать плюрилингвизмом. В ситуации же, когда представитель меньшинства владеет основным языком окружения и еще каким-либо, говорится о мультилингве, а явление называется мультилингвизмом. При этом в такой ситуации язык окружения не обязательно является иностранным, просто семейный язык является иным. На основании количества языков, имеющих в *активном* употреблении, человека можно назвать билингвом или трилингвом [Протасова 2012. С. 66]. Существует, конечно, еще термин *полиглот*, обозначающий людей, которые владеют очень многими языками, но таких в обычной коммуникации крайне мало.

Употребление нескольких разных языков в общении в современных исследованиях рассматривается в рамках понятия «многоязычные практики» (*multilingual practices*) (см., например, сборник статей [Tánchez, Kovács, Puura, 2018]). Это понятие включает в себя такие

термины, как «переключение кодов», «смешение кодов» и «заимствование», которые разные ученые определяют по-разному и которые имеют между собой точки соприкосновения. В случае переключения кодов (ПК) говорящий употребляет больше чем один язык или одну языковую форму в рамках более длинного фрагмента. Если употребляется отдельно понятие смешения кода, то подчеркивается, что это употребление происходит внутри одного предложения или синтагмы. Зато существование заимствования требует фонетической и грамматической адаптации [Kovacs, Janurik, 2018]. Ниже рассмотрим эти явления более подробно.

2.2.1. Причины переключения или смешения кодов

В рамках социолингвистических исследований контактных явлений обращалось внимание на возможные причины многоязычных практик. К ним относятся смена адресата, когда говорящий использует тот код, которым владеет собеседник, или ситуация общения, в которой, например, «производственные» темы обсуждаются на языке, имеющем специальную терминологию, а бытовые на другом языке [Крысин, 2000. С. 61–64]. Экстралингвистические характеристики, например, тема дискуссии в каком-нибудь конкретном контексте, и социолингвистические характеристики, например, потребность в самоидентификации участников дискуссии и желание поддержать престиж языка, также должны приниматься во внимание как факторы переключения кода. С точки зрения построения дискурса переключение кодов также может нести и некоторые другие функции [Stell, Yakro, 2015].

Сам по себе навык переключения кодов является показателем высокого уровня знания языка на разных уровнях и свидетельствует об особенном уровне общей и коммуникативной культуры человека. Стоит отметить, что ПК помогает эффективно достичь взаимопонимания и обеспечивает комфортность в процессе диалога: «Кодовое переключение – это одна из форм языкового варьирования, без которого невозможен процесс нормального речевого общения» [Крысин, 2000. С. 61–64]. Еще одной из функций ПК является экономия языковых средств, например, когда говорящий использует в речи слово, приходящее первым на ум, особенно если оно компактнее [Чиршева, 2012. С. 214–223]. Нельзя не упомянуть и о намеренном употреблении иностранных слов; можно предположить, что это делается с целью показать знание нового языка и самоутвердиться за счет этого [Земская, 2005; Мустайоки, Протасова, 2012. С. 89–90].

2.2.2. Процесс заимствования

Под заимствованием понимается процесс, в котором употребляемое иноязычное слово становится словом принимающего языка и в связи с этим происходит его фонетическая и грамматическая адаптация. Грамматическое освоение – это подчинение слова одного языка грамматическим правилам заимствующего языка. В ситуации освоения иноязычное существительное начинает склоняться по правилам русского языка на основании конечного звука [Рахманова, Суздальцева, 1997. С. 105]. Существует два этапа освоения заимствованных лексем: на первом появляется графический вид слова, на втором происходит выбор правила написания (орфографический). В ранних заимствованиях изначально заимствовался звук, но среди современных заимствований есть случаи транслитерации, когда изначально заимствуется графическое слово. На начальных этапах употребления заимствованное слово испытывает колебания, касающиеся написания слова. Слово не может считаться освоенным до тех пор, пока не стабилизировалось его написание [Нечаева, 2011. С. 10–11, 19]. Таким образом, уже то, как пишется слово в конкретных употреблениях (кириллицей или латиницей), и склоняется оно или не склоняется, свидетельствует о его статусе.

Однако не все заимствования показывают стопроцентную морфологическую интеграцию. Почти полную морфологическую интеграцию показывают чаще всего ПК в ситуации взаимодействия матричного и гостевого языков. Если в гостевом языке произошла частич-

ная морфологическая интеграция, то единицу можно отнести как к заимствованиям, так и к вкраплениям в ситуации ПК. Обе эти формы (заимствование и ПК) представляют собой синтаксическую интеграцию [Чиршева, 2012. С. 303].

Итак, употребление финских слов в русскоязычной дискуссии носительниц русского и финского языков можно интерпретировать и как переключение, и как смешение кодов. В некоторых случаях можно полагать, что конкретные слова уже заимствованы в ту разновидность русского языка, которой пользуются местные русскоговорящие.

2.2.3. Языковая пара «русский – финский»

Грамматические сходства и различия между русским и финским языками оказывают существенное влияние на специфику многоязычных практик именно этой языковой пары. На развитие теорий о грамматических характеристиках переключения кодов оказал влияние тот факт, что большая часть предыдущей литературы касается ситуаций, в которых одним из контактных языков был английский, являющийся морфологически бедным [Kovacs, Janurik, 2018. С. 30–31]. По данным Ковач и Янурик [Kovacs, Janurik, 2018. С. 35–57], грамматически существенными для многоязычных практик такой языковой пары, где один из языков индоевропейский (напр., русский), а другой финно-угорский (напр., финский), являются следующие явления: фонетическая интеграция, нестандартное употребление падежных окончаний, двойное маркирование грамматических категорий, употребление числительных и квантификаторов с существительными, посессивные конструкции, указание рода и порядок слов.

Несмотря на то что эти языки не являются родственными, в них есть немало типологически общих черт; например, в обоих языках порядок слов зависит скорее от актуального членения предложения, а не определяется строго грамматически (здесь применима формула нейтрального порядка слов SVO). Оба языка морфологически богаты, в них есть склонение существительных по падежам, но при этом в русском языке все-таки существует ряд несклоняемых слов (часто заимствованных), тогда как в финском языке по падежам склоняются все существительные без исключения. Таким образом, в случаях переключения кода употребление иностранного слова в базовой форме в русском языке не имеет ограничений, т. е. в русском языке несклоняемые слова встречаются не только в случае переключения кода, тогда как в финском языке подобное явление является редким и маркированным.

2.2.4. Исследования местного варианта русского языка в Финляндии

Социолингвистическая ситуация русского языка в Финляндии разносторонне описана в многочисленных работах Е. Ю. Протасовой (например, [Мустайоки, Протасова, 2012, Протасова, 2019]). Что касается узколингвистической стороны вопроса, то известно, что финские слова в русскоязычной речи в Финляндии употребляются [Зеленин, 2008; Картушина, 2018; Мустайоки, Протасова, 2012]. О языке русской диаспоры известно, что в случае обсуждения темы, которая обычно обсуждается на языке окружения, русские иммигранты используют заимствования, объясняя это тем, что в родном языке нет нужных слов для точного выражения мысли. Заимствованными часто оказываются названия блюд местной кухни, производственные термины; однако, по словам респондентов, часто финское слово появляется в речи по причине спешки или усталости. Причиной появлений заимствований в русском речи за рубежом может также являться фактор получения образования в Финляндии, поскольку терминология новой профессии была введена в память только на иностранном языке и закрепились в ней [Протасова, Мустайоки, 2012. С. 89–90].

Так, в речи русской диаспоры в Финляндии упоминается как новое заимствование финское слово *Kela* (социальное ведомство). Также русскоязычные Финляндии часто используют финские слова для обозначения некоторых должностей (*lähihoitaja* – младшая медсестра), употребляют финские термины, отсутствующие в словаре, а также воспроизводят целиком

труднопереводимые фразы или предложения [Мустайоки, Протасова, 2012. С. 89–90]. Русская речь в Финляндии давно наблюдается также в аспекте грамматической интерференции финского языка [Leisiö, 2001], однако анализа объемного эмпирического материала именно с точки зрения переключения кода и процесса заимствования до сих пор не проводилось.

3. Материал и методы

Для настоящего исследования в качестве материала были использованы тексты постов и комментариев, собранные в одной женской русскоязычной группе социальной сети Facebook. Количество участниц в ней на момент сбора материала насчитывало более 13 тысяч. Было собрано 475 употреблений единиц финских лексем-существительных и 3 словосочетания из письменной русской речи (предложений и отдельных фраз) участников дискуссий за период январь-февраль 2019 года. Собранные примеры были взяты из контекстов 31 поста и комментариев к ним. Данные материалы представляют особый интерес потому, что подавляющее большинство участниц проживает в Финляндии, что заметно по употреблению ими финских слов в своих высказываниях.

Собранные 475 токенов представляют собой 260 разных лемм финского языка (учитывая варианты правописания и орфографические ошибки как одну лемму). Они были проанализированы в контексте с помощью программы Atlas.ti. Материал в общей сложности состоит из 12 022 слов, примерная доля финских словоупотреблений составляет 4 %. Для анализа были специально выбраны посты с такой тематикой, для которой, по нашему опыту, частота использования финских слов особенно велика: финская система образования, финская система здравоохранения, финская система страхования. В дискуссиях той же группы есть и такие посты, где финские слова используются мало или отсутствуют совсем; у них своя тематика, в них обсуждаются, например, личные отношения или косметические средства.

В настоящем анализе многоязычная деятельность рассматривается как коллективное творчество, а это значит, что индивидуальные стили разных авторов во внимание не принимаются. Все примеры представлены в оригинальном написании. Авторы примеров, представленных в данном анализе, дали свое письменное согласие на публикацию.

4. Анализ материала по семантическим и грамматическим признакам

4.1. Семантические признаки

С точки зрения семантики представленные финские слова можно поделить на следующие группы: имена собственные, термины и местные реалии. Под терминами мы понимаем слова, связанные с определенной узконаправленной деятельностью. Под местными реалиями мы подразумеваем слова, применяющиеся для тех сфер жизни, которые характерны для определенной страны.

Материал включает 215 имен собственных, которые представляют собой 76 разных лемм. Имена собственные отличаются от многих других финских слов материала тем, что их написание на русском языке затруднительно, поскольку редкие из них имеют установленные русские варианты. Из имен собственных в нашем материале словом русского языка, часто употребляемым в языке метрополии, является только *Хельсинки*, которое известно в России как название столицы Финляндии. Это и отражается в материале – топоним *Хельсинки* встречается 12 раз и всегда в несклоняемой форме, соответствующей норме русского языка. Таким образом, избегание употребления финских слов невозможно, при этом у пишущего есть выбор писать слово на латинице или кириллице, подвергать его склонению или нет. Также употребление названий местностей и названий фирм, использующихся только в Финляндии, без дополнительного пояснения (как это без исключений происходит в нашем материале) предполагает знание условий местной жизни. Примерами этой группы в нашем материале являются города Vantaa / Вантаа, Эспоо, Ярвенпяя и Керава, а также жилые районы Контула,

Мюллюпууро, Эйра и Westend. Среди имен собственных есть и ряд названий финских частных фирм, например, страховых компаний и сетевых магазинов, а также государственных учреждений, самым значимым из которых является *KELA* (*Kela*, *Кела*), учреждение, занимающееся вопросами социального обеспечения жителей Финляндии.

В представленном материале 197 раз употребляются термины (105 разных лемм), которые представляют собой разные сферы финской жизни: юридическую, административную, медицинскую, социальную и другие. Многие из них связаны с учебой или трудовой жизнью. Эти слова узнаваемы, но порой вызывают сложности в интерпретации даже у носителей языка. Они не имеют устойчивых переводов на русский язык, и даже если аналогичный русский термин существует в России, он часто не имеет полного соответствия. Существенную роль играет и тот факт, что для ежедневной жизни в Финляндии важно знать эти термины именно по-фински. Например, *kuntalisä* – добавка к пособию в зависимости от места жительства, *omavastuu* – доля собственной ответственности, *perhepäivähoitaja* – няня, которая ухаживает за детьми у себя дома, *palveluala* – сфера обслуживания, *alivuokralainen* – субарендатор.

В материале также представлено 56 употреблений (39 разных лемм), описывающих другие финские реалии. Разница между ними и терминами состоит в том, что эти слова имеют аналоги в русском языке, которые предположительно известны всем, но привычка их употребления у участниц возникла только в Финляндии, или же они связаны с некоторыми такими практиками, которые распространены именно в Финляндии. Таковыми являются, например, *sopimus* – *sopimus* – договор; *tarjous* – предложение, оферта; *henkivakuutus* – страхование жизни; *flunssa* – ОРЗ; *ryssä* – оскорбительное слово, означающее «русский».

Обратим внимание: несмотря на то что в подборке представлены и такие финские реалии, которые не имеют аналогов в русском языке, их употребление, очевидно, является понятным для участниц. Ни разу не встретилось случая, где участницы обсуждали бы значение того или иного слова.

4.2. Грамматические признаки и выбор алфавита

Самой наглядной характеристикой употребления финских слов и словосочетаний в русской письменной речи является выбор алфавита, т. е. принятие решения о сохранении оригинального написания единицы на латинице или ее транслитерации кириллицей. В нашем материале русские сообщения пишутся преимущественно с использованием кириллицы, поэтому употребление латиницы предполагает смену клавиатуры. Из 475 токенов 243 были написаны кириллицей (101 разная лемма), 232 – латиницей (159 разных лемм). При написании 3 токенов были употреблены оба алфавита.

Предположительно, выбор алфавита прямо соотносится со степенью ассимиляции финских слов языком русскоговорящих, проживающих в Финляндии; от этого же зависит, будут ли они подвергнуты склонению. По данным теории выбор между латиницей и кириллицей, с одной стороны, и склонение заимствований по нормам русского языка, с другой, являются разными степенями ассимиляции слова [Тимофеева, 1992. С. 13]. Однако такая теоретическая позиция не учитывает специфику современных многоязычных эмигрантских практик, в которых русский язык, будучи родным для участников и матричным в ходе коммуникативного акта, остается уязвимым из-за доминантного языка окружения, несмотря на то, что коммуниканты стремятся сохранить его при помощи современных технологий и возможностей общения, обеспечиваемых в сети.

Местный вариант русского языка в Финляндии одновременно существует и не существует. С одной стороны, он существует как местный, потому что включает в свой лексический состав финские слова и словосочетания. С другой стороны, такая его «гибридная», несколько креолизованная разновидность свидетельствует о существовании более общих многоязычных практик и мультязыковых ситуаций, где русский функционирует как составная часть более широкой языковой реальности. Специфической чертой такой языковой комбинации

является характерная реакция коммуникантов на грамматические свойства их двух языков общения, проявляющаяся в примерах из собранного корпуса. Далее мы обсудим грамматические характеристики «креолизованной» речи мигрантов на материале алфавитных переключений и склонения существительных.

Для изучения закономерностей многоязычных практик пары «русский – финский» потенциально интересными являются двойное маркирование употребленных грамматических категорий. При этом будет учитываться и возможное влияние на выбор конкретной формы слова и русской категории рода. Материалы, полученные нами, являются письменными, поэтому не они дают возможности для изучения фонетической ассимиляции.

4.2.1. Финские слова, подвергшиеся транслитерации, склонение которых определить невозможно

Самое частотное употребление финского слова, написанного кириллицей, в нашем материале наблюдается в позициях, не требующих склонения, т. е. в именительном и винительном падежах для такого существительного, которое по форме можно интерпретировать как относящееся к мужскому роду (напр. *пайвистюс* в примере 2 ниже). Вторым вариантом таких употреблений являются слова, имеющие окончание, которое по русской норме не изменяется (напр. *омавастуу* в примере 1 ниже).

В нашем материале случаи употребления финских слов на кириллице без склонения по правилам русского языка можно разделить на 1) именительный падеж, часто в позиции подлежащего (56 токенов, 32 разных леммы), 2) винительный падеж в форме именительного (34 токена, 20 разных лемм), 3) несклоняемое слово (37 токенов, 26 разных лемм). В общей сложности количество таких употреблений в нашем материале составляет 127 токенов (92 разных леммы).

1. После оплаты готовой *омавастуу* (сумма своей ответственности. – прим. авт.), остальные походы будут бесплатны. *Otavastuu* – сумма личной страховой ответственности в случае страховой компенсации.

В примере 1 употребляется несклоняемое в русском языке из-за своей формы слово *otavastuu*, которое интерпретируется как существительное женского рода, что заметно из формы прилагательного (*готовой*), в родительном падеже.

2. Попросила у нашего частника направление в гос *пайвистюс* к лору-хирургу.

Päivystys – дежурство; здесь предполагается прием дежурного врача в государственной поликлинике или больнице.

При этом в примере 2 финский термин *päivystys* употребляется вместе с сокращенной формой слова *гос*, что затрудняет интерпретацию его родовой принадлежности.

3. Мы обычно к врачам на *таркистус* и за *аб*. *Tarkistus* – проверка, здесь предполагается консультация врача. В данной ситуации, носитель финского языка использовал бы близкое слово по значению – *tarkastus*. Русское сокращение «аб» означает слово «антибиотики».

В примере 3 используется финское слово *tarkistus*, которое соответствует по форме русскому существительному мужского рода. Пользователь смешивает два финских слова, которые близки по значению и написание которых отличается только в одной буквой – *tarkastus* и *tarkistus*.

4.2.2. Финские слова, подвергшиеся транслитерации и изменяющиеся в косвенных падежах по правилам русской грамматики

Общее количество употреблений финских лексем, подвергшихся транслитерации и изменяющихся в косвенных падежах по правилам русской грамматики, составляет 24 токена, причем существительное *кела* встречается в 8 случаях. Всего разных лемм в этой группе 14.

Эти примеры характеризуются наибольшим количеством признаков, соответствующих критерию ассимиляции заимствованных слов русским языком.

4. *Возили после 4 дня в Ластенклинику, сидели очереди по 5 часов, но там брали анализы.* *Lastenklukka* – детская больница в Хельсинки.

В примере 4 заимствованное русским и финским языками слово *клиника* / *klukka* способствует тому, что вторая часть сложного финского слова трактуется как русская по аналогии с поликлиникой.

5. *(Мы просто здесь совсем недавно, не с кем и посоветоваться) она отвечает: да, подавайте в келу доки, но ск они покроют это неизвестно, зависит от дохода.*

Kela – учреждение социального страхования в Финляндии. *Доки* означает здесь документы, сленговое русское слово.

6. *У него симптомы флуны, температура может держаться до недели, уши чистые, нос чистый, все норм.* *Flunssa* – это комплекс симптомов, под которыми подразумевается, как правило, ОРЗ.

В примерах 4–6 можно увидеть, что благодаря графике слова похожи на русские существительные женского рода с окончанием на *-а*, поэтому склоняются по правилам 1-го склонения. Сокращение «ск» в примере 4 происходит от слова *сколько*.

7. *Получила 2 года назад идентификатор по российскому паспорту и хенкилотуннусу.* *Henkilötunnus* – личный идентификационный номер.

В примере 7 финское слово, благодаря внешнему сходству по строению, похоже на русские существительные мужского рода с нулевым окончанием, также изменяется по типу 2-го склонения.

4.2.3. Транслитерированные финские слова, формы которых допускают склонение, но в нашем материале не склоняются

В примерах 8–10 представлены финские слова, подвергшиеся транслитерации, но несклоняемые в нашем материале, хотя по правилам русской грамматики склонение требуется. В общей сложности таких примеров в нашем материале 65 токенов (28 разных лемм).

8. *динамили сильно и с маткавакуутус и с моей страховкой.* *Matkavakuutus* – страховка для путешественника.

9. *Вы зайдите на сайт Кела, там есть калькуляторы, посчитайте на них сколько вам и что положено.*

10. *Одна знакомая не прошла и работает ляхихойтая, другая прошла и работает с зубным врачом хаммасхойтая.* *Lähihoitaja* – младшая медицинская сестра, *hammashoitaja* – стоматологическая медицинская сестра.

Примеры 8–10 являются вариантами такого словоупотребления, когда знакомые русским коммуникантам финские слова-реалии пишутся на кириллице, при этом в многоязычном контексте они употребляются без соблюдения русских норм склонения.

4.2.4. Финские слова, написанные на латинице

В примерах 11–13 финские слова, написанные латиницей, часто используются в таких позициях, где они предположительно представлены в именительном падеже (87 словоупотреблений).

Общее количество примеров составляет 232 токена (118 разных лемм).

11. *До этого ходили в гос.perherpäivähoito и платили столько же.* *Perherpäivähoito* – детский сад.

12. *Кела нам дала palveluseteli от города в частный и счет остался прежним 289 е.* *Palveluseteli* – государственный ваучер на оплату услуг частной фирмы.

13. Она не сказала ведь, что у мамы *yksinhuoltajuus*. *Yksinhuoltajuus* – термин, означающий, что воспитанием ребенка занимается один родитель.

В материале есть, однако, и многочисленные примеры, в которых написанное на латинице слово могло бы быть подвергнуто склонению по правилам русского языка (см. ниже пр. 14).

14. Вот только сегодня ходила с младшей в *terveysasema*. *Terveysasema* – поликлиника.

Таким образом, можно сделать вывод, что употребление в русско-финской речи финских слов без русских падежных окончаний соответствует распространенной практике употребления заимствованных слов в современном русском языке [Камынина, Решетова, 2016. С. 222]. В таких случаях (так же, как и в п. 4.2.2) двойное маркирование отсутствует, а синтаксическая позиция финских слов определяется по сопровождающим русским словам.

4.3. Переключение кодов между финским и русским языками с использованием устойчивых лексических форм финского языка

Примеры 15–16 иллюстрируют единичный вид переключения кодов в нашем материале – использование устойчивых лексических форм финского языка в русском.

15. Народ! Какой почтой отправлять товар по Финляндии) чтобы было максимально дешево??? Как отправить *Postiennakolla matkaan*? *Postiennakolla matkaan* – «наложенным платежом в путь» нередко употребляется как способ отправления посылок.

В примере 15 наблюдается двойное маркирование. Словосочетание *postiennakolla matkaan* дополняет информацию глагола *отправить* обстоятельством образа действия. Следует заметить, что в предложении нет слова *посылка* или его синонимов. По-фински фразу можно было бы конструировать точно так же.

16. ну если доход с 2000 падает до 1000, то разница ощутима. А если такой больничный длится полгода и дольше, то *voi voi*. *Voi-voi* – междометие, используемое для выражения сожаления. В данном случае подразумевается сожаление по поводу угрозы низкого дохода; оно также включает в себя экспрессивную коннотацию «ничего не поделаешь».

В примерах 15 и 16 для того, чтобы понятнее выразить свою мысль, отправители сообщений используют коды двух языков, демонстрируя при этом высокий уровень владения обоими. Это является подтверждением того, что навык переключения кодов может являться показателем высокого владения языками [Крысин, 2000. С. 61–64].

4.3.1. Слова *Kela* / *kela* / *Kela* / *kela*

Самой частотной отдельной лексемой в нашем материале было уже упомянутое выше слово *Kela*. Слово изначально является аббревиатурой социального учреждения *KELA* (*Kansaneläkelaitos*). Со временем учреждение расширило свои функции, а слово стало в речи коренных жителей Финляндии именем собственным. Тот факт, что слово *Kela* является самым часто встречающимся среди представленных примеров, мы объясняем тем, что эта государственная служба очень плотно входит во все сферы жизни людей, проживающих в Финляндии. Одновременно все услуги, предоставляемые службой *Kela*, регулируются законами, которые, как и всякие законы, написаны сложным юридическим языком, представляющим трудность как для самих финнов, так и (тем более) для эмигрантов.

Слово *Kela*, которое оканчивается на гласную *-a* и легко вписывается в систему склонений русского языка, имеет преимущество краткости и простоты. В случае употребления с транслитерированными словами, имеющими русские показатели склонения (таких употреблений в материале в общей сложности 24), лемма *kela* используется 8 раз. В случае с транслитерированными словами, не имеющими согласования по правилам русского языка (65), слово *Kela* представлено в 23 контекстах. Самым распространенным стал случай, когда использовались различные финские слова в латинской графике и когда определить наличие

или отсутствие у них склонения по правилам русского языка было невозможно (232). При этом лемма *кела* фигурировало лишь в 2 контекстах.

Эти цифры показывают нам, что слово *кела* находится на пути ассимиляции его русским языком эмигрантов, проживающих в Финляндии, и приобретает у них постепенно статус заимствования. Эта тенденция отмечалась еще в 2012 году в [Мустайоки, Протасова, 2012]. Слово достаточно стабильно в письменном узусе, но мы не имеем сведений о его фонетической ассимиляции. Кроме того, оно не закреплено в кодифицирующих источниках, поэтому назвать его полноценным заимствованием из финского языка в русский язык мы еще не можем.

5. Выводы

Изученный материал, отражающий речевое поведение русскоязычных мигрантов и эмигрантов Финляндии, показывает, что их письменную коммуникацию в интернет-пространстве можно рассматривать с позиций переключения кодов или же с точки зрения контакта двух языков, приводящего к заимствованию финских слов языком русской диаспоры, проживающей в Финляндии. Обе представленные трактовки являются естественным следствием многоязычных практик.

Функционирование отдельных финских слов в русской письменной речи женщин-эмигрантов частично подчиняется правилам русского языка, что можно рассматривать как их проникновение в его систему на территории Финляндии. Финские слова, наиболее часто используемые в речи русских эмигрантов, являются также семантически значимыми для финской языковой общности.

Наличие в образцах речи разных вариантов склонения или его отсутствие у финских словоформ свидетельствует о том, что на лексическом уровне коммуниканты при переключении на финский код не могут полностью освободиться от интерферирующего влияния первичного русского грамматического кода. Они поступают так, как в русском языке, где некоторые существительные можно как согласовывать, так и не согласовывать по роду, числу и падежу, в отличие от финского кода, где все слова подлежат склонению. Несмотря на такую возможность, финское слово часто употребляется русскоязычными коммуникантами в позиции, где склонение не имеет значения.

Язык местной русской диаспоры, включающий в себя финские слова, ассимилированные им в той или степени, можно назвать местным креолизированным вариантом русского языка в том смысле, что он понятен только тем русскоговорящим, которые проживают в Финляндии и в некоторой степени интегрированы в финское общество.

Список литературы

- Зеленин А.** «Папа, где моя *lipka*?» (доминантный язык и смешение кодов в русском-финском этнобилингвизме) // С любовью к слову. Festschrift for Arto Mustajoki. Slavica Hel-singiensia 35. Хельсинки: University of Helsinki Press, 2008. С. 470–473.
- Земская Е. А.** Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. Вып. 1. С. 114–131.
- Земская Е. А.** Особенности русской речи эмигрантов четвертой волны // Журнал Грамота.ру. 2005. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_520.
- Картушина Е. А.** Прагмалингвистические особенности использования русского языка в диаспоре Финляндии на примере интернет-текстов // Litera. 2018. Вып. 3. С. 223–231.
- Камынина Н. Г., Решетова Д. В.** Грамматическое освоение заимствованных несклоняемых существительных в современном русском языке // Диалог культур: поэтика локального текста: Материалы V Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск. 2016. С. 222.

- Крысин Л. П.** Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Речевое общение – специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 61–64.
- Мустайоки А., Протасова Е. Ю.** Русский язык в диаспоре глазами учителей // Мир русского слова. 2012. Вып. 2. С. 82–92.
- Нечаева И. В.** Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М: Азбуковник, 2011. 168 с.
- Протасова Е. Ю.** Многоязычие и интеркультурность: факты и исследования // Образование и межнациональные отношения / Под ред. Э. Р. Хакимова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. Ч. 2. С. 66–75.
- Протасова Е. Ю.** Отношение русскоязычных родителей в Финляндии к ситуации многоязычия и языковому образованию детей // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Т. 1, № 2. С. 84–96.
- Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н.** Современный русский язык: лексика, фразеология, морфология: Учеб. пособие. М.: МГУ ЧеРо, 1997. 480 с.
- Тимофеева Г. Г.** Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 30 с.
- Чиршева Г. Н.** Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012. 486 с.
- Angermeyer, P. S.** Spelling Bilingualism: Script Choice in Russian American Classified Ads and Signage. *Language in Society*, 2005, vol. 34, no. 4, p. 493–531.
- Kovács, M., Janurik, B.** Grammatical and sociolinguistic aspect of code-switching in Finno-Ugric languages. In: *Multilingual Practices in Finno-Ugric Communities eds.* O. Tónczos, M. Kovács, & U. Puura (Uralica Helsingiensia; 13). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2018, p. 13–76.
- Lee, C.** Multilingualism Online. Milton Park, Abingdon, Oxon, New York, NY: Routledge, 2017.
- Leisiö, L.** Morphosyntactic Convergence and Integration in Finland Russian. Tampere: University of Tampere, 2001.
- Paulsen, M.** Translit. Computer-mediated digraphia on the Runet. In: *Digital Russia: The Language, Culture and Politics of New Media Communication.* Eds. Gorham, M., Ingunn L., Martin P. London: Routledge, 2014, p. 156–173.
- Stell, G., Yakpo, K., Stell Gerald and Kofi Yakpo (eds.).** Code-switching between Structural and Sociolinguistic Perspectives. Berlin, Boston: De Gruyter, 2015.

References

- Angermeyer, P. S.** Spelling Bilingualism: Script Choice in Russian American Classified Ads and Signage. *Language in Society*, 2005, vol. 34, no. 4, p. 493–531.
- Chirsheva, G. N.** Child bilingualism: simultaneous acquisition of two languages. St Petersburg, Zlatoust, 2012, 486 p. (in Russ.)
- Kamynina, N. G., Reshetova, D. V.** Grammatical adjustment of indeclinable loan words in modern Russian. In: *Dialogue between cultures: poetics of local text. Materials of Fifth International Conference.* Gorno-Altaysk, 2016, p. 222. (in Russ.)
- Kartushina, E. A.** Pragmalinguistic peculiarities in using Russian in Finland. An example from the Internet. *Litera*, 2018, vol. 3, p. 223–231. (in Russ.)
- Kovács, M., Janurik, B.** Grammatical and sociolinguistic aspect of code-switching in Finno-Ugric languages. In: *Multilingual Practices in Finno-Ugric Communities.* Eds. O. Tónczos, M. Kovács, & U. Puura (Uralica Helsingiensia; 13). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2018, p. 13–76.
- Krysin, L. P.** Code-switching as a component of man's speech. *Dialogical speech culture*, 2000, vol. 3, p. 612018, 64. (in Russ.)
- Lee, C.** Multilingualism Online. Milton Park, Abingdon, Oxon, New York, NY: Routledge, 2017.

- Leisiö, L.** Morphosyntactic Convergence and Integration in Finland Russian. Tampere: University of Tampere, 2001.
- Mustajoki, A., Protassova, E.** Russian language teaching in diaspora teachers' reflections. *The World of Russian Word*, 2012, vol. 2, p. 822018, 92.
- Nechaeva, I. V.** Current orthographical issues of foreign loan words. Moscow, Azbukovnik, 2011, 168 p. (in Russ.)
- Paulsen, M.** Translit. Computer-mediated digraphia on the Runet. In: *Digital Russia: The Language, Culture and Politics of New Media Communication*. Eds. Gorham, M., Ingunn L., Martin P. London: Routledge, 2014, p. 156–173.
- Protasova, E. Yu.** The Russian-speaking parents in Finland about their children and their education. *Language Studies and Modern Humanities*, 2019, vol. 1, no. 2, p. 84–96. (in Russ.)
- Protasova, E. Yu.** Multilingualism and intercultural communication: facts and studies. In: *Education and Interethnic Relations – IEIR 2012*. Ed. by E. R. Khakimova. 2 part. Izhevsk, Udmurt University Press, 2012, p. 66–75. (in Russ.)
- Rakhmanova, L. I., Suzdaltseva V. N.** Modern Russian: Lexicology, phraseology, morphology: a textbook. Moscow: MGU CheRo, 1997, 480 p. (in Russ.)
- Stell, G., Yakpo, K.** (eds.). Code-switching between Structural and Sociolinguistic Perspectives. Berlin, Boston: De Gruyter, 2015.
- Timofeeva, G. G.** English loans in Russian (viewpoint of phonetics and orthography). Synopsis of a PhD thesis. St. Petersburg, 1992, 30 p. (in Russ.)
- Zelenin, A.** “Dad, where is my lipka?” In: *With Love to the Word. Festschrift for Arto Mustajoki*. Slavica Helsingiensia 35. Helsinki, University of Helsinki Press, 2008, p. 470–473. (in Russ.)
- Zemskaya, E. A.** Peculiarities in the Russian speech of emigrants of the fourth wave. *Journal Gramota.ru*, 2005. (in Russ.)
- Zemskaya, E. A.** The Russian language abroad: results and perspectives of research. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2001, no. 1, p. 114–131. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию после доработки
Date of submission, revised version
 12.08.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Виймаранта Йоханна, доктор философии, профессор Отделения языков Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия)

Johanna Viimaranta, PhD, Professor, Department of Languages, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

johanna.viimaranta@helsinki.fi
 ORCID 0000-0002-9640-3394

Маслова Анастасия Александровна, студентка Отделения языков Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия)

Anastasia A. Maslova, student of the Department of Languages, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

ORCID 0000-0002-2273-6188